Алибек АСКАРОВ

ДВОЙНОЙ ТРОФЕЙ

Из цикла рассказов «Записки охотника»

Писатель Алибек Аскаров с егерем Ереном Жумагуловым в горах Алтая

Председатель Восточно-Казахстанского областного общества охотников Амангельды Калмыков ранним утром позвонил Ерену Жумагулову на домашний телефон. Обычно начальник начинал речь важно, громогласно. В этот раз голос его звучал мягко, просительно. По словам чувствовалось, что он попал в затруднительную ситуацию.

– Помоги, протяни руку помощи, спасай, дорогой! – проговорил он угодливо, моляще. – Ни от кого больше нет пользы, не на кого надеяться. Теперь только на одного тебя уповаю, только тебе верю, как настоящему профессионалу!

– Слушаю вас, Амангельды Гайниевич! Что могло довести вас до такого отчаяния? Говорите. Слушаю, – сказал Ерен, не скрывая удивления неожиданному поведению своего начальника.

– Вот что... Из-за границы прибыл один уважаемый человек. Он и в прошлом году приезжал. Тогда я его к этому... как же его звали... да, к Жумажану отослал. Две недели он провел с ним попусту, так и вернулся ни с чем. Стыдно было... Если и в этом году так произойдет, имидж Казахстана упадет, и мы опозоримся на весь свет. И как назло, это не кто-нибудь из обычных людей, а птица высокого полета, слова его на вес золота.

– Ладно... И кто же это, наконец?

– Некто по имени Мазарини.

– Мазарини, говорите? – Ерен прыснул. – Случайно, не кардинал Франции?

– Нет, не из Франции, итальянец. Хоть и не кардинал, но не уступает ему... граф, оказывается, баснословно богатый человек у себя на родине.

– М-м-м...

– Итальянец он, но из этой... из Сицилии приехал.

– О-о! Так получается, настоящий мафиози?

– Зачем говорить лишнее, дорогой. Тебе и нам нет дела до мафии... Наша наивысшая задача – встретить-приветить гостя, дать ему возможность удачно поохотиться и отправить его с богом на родину! И ты для этого сделай что-нибудь! Сначала разведай про медведя, не найдешь его, поищи марала... на крайний случай дай ему застрелить кабана. Мы ему сделаем из него великолепное чучело с торчащими клыками. В любом случае, пусть он нынче уедет с трофеем, брат мой! Давай вытряхнем из его карманов денежки.

Ерен задумался.

– Чего ты молчишь? – воскликнул на том конце провода начальник.

– Я вас слушаю, Амангельды Гайниевич, внимательно слушаю!

– Ну раз слушаешь... Я ему подписал две лицензии... На медведя и марала... пять тысяч долларов! Скажу откровенно, мы его деньги уже сдали в кассу. Понял? Вот еще что, этот господин несколько дней проболтался в Москве, и теперь сроки визы у него на исходе.

– Ну и на сколько дней он приезжает?

– В твоем запасе четыре дня... Ровно четыре дня, Ерен Кадошевич! Ну, доверяю тебе... отдаю тебе на поруки. Алтай для них – ставший легендой сказочный край, полный зверья. Эльдорадо! Раз это так, давай же не уроним высокой репутации нашей земли, имиджа государства. Еще раз говорю, не осрами! Вся надежда на тебя! Завтра утром подъедет, хорошенько встреть гостя по казахским традициям!

У начальства и просьба звучит властно, как приказ... Интересно, как он себе представляет, что может Ерен успеть за эти четыре дня? Нет у него ни медведя на привязи, ни пасущегося под присмотром марала. Охотники за трофеями обычно приезжают на недели и даже месяцы. Земля горит, что ли, под этим гостем?

Несмотря на некоторое замешательство, Ерен подумал, что косуля и кабан всегда найдутся, и, заверив начальника, повесил трубку.

Торопившийся якобы гость, который должен был прибыть ранним утром, заставил себя ждать и появился лишь после полудня. Уже на протяжении порядочного времени Ерен Жумагулов исполнял обязанности председателя районного общества охотников. Именно в этот раз он особо и не расстроился из-за опоздания гостя. Всё равно сегодня надо делать привал, лишь бы до вечера добраться до Таутекели. Там, на берегу горной реки у основания лесничего кордона, были раскинуты две белые, как чайки, юрты. Почетный прием иностранных охотников, оказание им уважения в лучших традициях казахского гостеприимства, – всё происходило в том месте. Дальше Таутекели никто не жил, там расстилалась безлюдная дикая местность. Дремучий кедровый лес, суровые горы, высокие пики.

Еще вчера вечером Ерен по рации оповестил коллег в Аршаты о чрезвычайном задании области по поводу итальянского гостя. Он распорядился о том, чтобы те привели в порядок внутреннее убранство юрт, поменяли постельное белье, приготовили угощение и в полной готовности ждали гостей. Это были надежные, хваткие парни, на своем веку встретившие немало иностранных охотников, им и говорить не надо, без того всё обставят в наилучшем виде. Даже если сам Господь Бог пожалует, и тот останется ими доволен.

Итальянский гость оказался кругленьким полнеющим мужчиной чуть выше среднего роста. Густобровый, с крупным носом, величавый, одним словом, полностью оправдывающий титул графа. Загнутые кверху, с проседью усы очень подходили к его лицу и придавали ему особый шарм. Несмотря на исходящее от его облика сияние знатности, заметна была накладываемая годами некоторая тяжеловатость. Также довольно ясно угадывалось, что итальянец принадлежит к породе пресытившихся светскими делами людей, интересы которых отныне крутятся лишь вокруг путешествий и приключений.

Обмениваясь с гостем рукопожатиями, Ерен назвал свое имя, но тот ослышался и усвоил его как «Ирен». Да ладно уж, решил он, стоит ли поправлять, пусть так и останется. Итальянец назвался Дино Мазарини. Шевеля пегими усами, он кое-что еще пространно рассказал о себе на своем языке. Приподняв брови и улыбаясь, Ерен сделал вид, что понял гостя, кивком головы выражая полученное удовольствие.

Он отправил обратно транспорт областного начальника, на котором приехал граф, затем посадил гостя на свою машину, и они, не теряя времени, пополудни двинулись в сторону Таутекели.

* * *

Ущелье Таутекели – охотничье формирование в самом центре Алтая, базовый лагерь. Постоянно встречающие и провожающие гостей, поднаторевшие в этом деле наши мужчины успели приготовить угощение и, накрыв дастархан, ждали наготове. К тому же они заблаговременно разузнали, в каких местах бродит косолапый.

Жизнь у охотника беспокойная, деятельность трудная, непредсказуемая. А охота на медведя – это весьма сложная операция, схожая разве что с отправкой на кровавую линию фронта. В таких случаях ничего не остается, как молиться Аллаху о благополучном возвращении домой. Учитывая дальность указанного направления, три охотника вскочили на коней едва перевалило за полночь и, держа курс на морщившийся каменистыми выступами и складками Куртинский отрог, спешно выехали в путь. Остальные проводили путников, пожелав им счастливого пути и благостно проведя ладонями по лицу. Охотники вышли не на уток и гусей, не на соболя, поэтому собаки с собой не стали брать. Также они опасались, что при внезапном появлении копытного животного пес мог вспугнуть его.

Возглавлял группу охотник-промысловик Манарбек Омаров, житель села Аршаты. Это был ловкий джигит с открытым нравом, с детства излазавший горы в поисках зверя. Он наизусть знал все расселины и овраги сумрачного, словно смотрящего из-под нахмуренных бровей Алтая. Лошадь графа могла споткнуться на косогоре и уронить своего седока, поэтому Ерен, контролируя ситуацию, ехал позади гостя.

Вначале они долго ехали вдоль проложенной копытами травоядных тесной тропы, по зияющему ущелью между горных цепей. Затем всадники потеряли почти час времени, пытаясь как-нибудь пройти строптивую горную речку, бурно несущую свои пенистые воды по дну ущелья. Стегая лошадей, путники покинули ущелье и начали карабкаться вверх. Когди они поднялись из тупика тесного ущелья по крутому склону и достигли кряжистого хребта Куртинского отрога, уже забрезжило. Дальше косо уходили вниз черные складчатые холмы. Как указал Манарбек, обратная сторона этих холмов – плодородная земля, изобилующая зеленой травой. Скорее всего, это и была та местность, где обитал и находил пропитание виденный ими косолапый. Спустившись к подножию холмов, Манарбек натянул поводья и скатился с лошади.

– Дальше идут каменные осыпи, лошади не пройдут, – сказал он, кивая наверх. – «Апашку» мы видели вчера в бинокль вон на том склоне. Там она ползала на четвереньках, что-то выкапывала.

«Апашка» – это не кто иной, как медведь. Охотники в этих краях не называли косолапого по имени, видимо, это было выражение трепета и преклонения перед обладателем могучей силы и мощи. Выслушав спутника, Ерен мысленно заключил: «Ясно, что зверь выкапывает черемшу, видно, готовится к спячке». Где же, интересно, этот непутевый теперь слоняется? Животное ведь благородное, с устрашающим рыком, не каждому охотнику удается его добыть.

Чтобы взять медведя, надо иметь железное сердце и терпение, как у соблюдающего оразу. Сможет ли знатный чужестранец понять это? Или он думает, что выехал на прогулку, подышать чистым воздухом на лоне нетронутой природы?

Манарбек остался на месте, охраняя коней, а Ерен вместе с гостем с ружьями наперевес начали пешком подниматься вверх по заваленному валунами склону. Такова жизнь бедолаг-охотников, доверяющих не коню, а только своим ногам. Вот этими двумя ногами они обходят пешком сумрачные алтайские ложбины и ущелья, покрытые снегом и ледниками горные пики и хребты.

Выслеживать зверя верхом на лошади – всё равно что с верблюда высматривать булавку. Дикий зверь чутче и осторожнее сороки, он издалека может услышать стук конских копыт. Поэтому ездовому коню лучше остаться на расстоянии, предаваясь пастьбе и фыркая от удовольствия.

Спустя полчаса уставшие путники добрались наконец до местности, указанной Манарбеком. И в самом деле, на небольшой поляне виднелись четкие следы косолапого... Кустарник был порушен, сучья выломаны, смородина съедена подчистую. Вероятно, выкапывал корни бадам-чая и разворотил всю землю вокруг. А в одном месте, похоже, медведь валялся и отдыхал. На лежбище вся трава была вытоптана, и оно походило на желтую пеленку.

Ерен вытащил из кармана фотографию медведя и показал гостю, дабы поднять его подавленное настроение. Горемычных охотников не удостаивают переводчиком, мол, сами как-нибудь разберетесь. И следом за ними, как привязанные верблюжата, плетутся денежные богачи – любители приключений. Вот и приходится беднягам объясняться с интурохотниками жестами, гримасничая и размахивая руками. Иногда среди этого народца встречаются ленивые или бедовые упрямцы. Пытаясь донести до таких суть дела, порой изматываешься так, что готов вытрясти из них душу. Таким образом, в поисках выхода охотники переходили на другие методы... Они всегда носили в нагрудных карманах фотографии медведей, оленей и маралов, косуль и кабарги, рысей и волков, даже диких свиней – кабанов. Стоит в нужный момент сунуть под нос гостю фото, как он тут же всё поймет, если только не окажется уж совсем безмозглым. Вот по этой причине и Ерен показывал иностранцу фотографию медведя.

– Вот этого будем искать, если повезет, обязательно найдем, – добавил он по-казахски.

Тот оказался человеком смышленым: увидев фото, сразу всё понял, и в его беспомощных глазах зажглась искорка радости.

По-видимому, медведь, топчась и питаясь растительностью, ушел наверх. Скорее всего, он кружил где-то рядом и не успел уйти далеко. В таких случаях надо быть предельно осторожным, чтобы не попасть впросак. А вдруг они выйдут на зверя, и он, рыча, выскочит из-под куста? Что тогда делать?

Они решили не идти лесом, а осторожно начали карабкаться вверх по усыпанному щебнем боковому гребню. Охотнику тоже хочется жить, тесное пространство леса опасно. Поэтому удобен такой вот высокий гребень скалы, открытое место, откуда в любую сторону можно бросить взор. Идущий следом граф хранил молчание, шел послушно всюду, куда б ни позвали, как окольцованный за нос вол. Несмотря на усталость, он пока не подавал виду, шел терпеливо с угрюмым лицом.

Медведь словно сквозь землю провалился, следов его в окрестностях они не обнаружили. Мужчины избороздили вдоль и поперек все хребты и плоскогорья в округе, но ничего не увидели, только изрядно вымотались. В это время солнечный диск поднялся довольно высоко. Ерен понял, что теперь не то что топтыгина, но и неуклюжего поросенка искать было пустой затеей. Все дикие животные Алтая обычно выходят кормиться ранним утром, а затем лишь на вечерней заре пасутся в открытых местах. В остальное время хоть головой о камень бейся, всё равно никого не найдешь, все твари безмолвно и неподвижно лежат в густой тени и одыхают.

Исчерпав все возможности, Ерен с понурой головой начал спускаться вниз вслед за гостем.

* * *

Внизу их с горячим чаем и разогретой едой ждал хлопочущий возле ярко горящего костра Манарбек. Благодушный малый приветливо встретил путников. Также не смог он скрыть и сожаления, поскольку, не услышав сверху ни одного выстрела, понял, что товарищи возвращаются несолоно хлебавши.

После того, как чай был выпит и дастархан собран, Ерен постелил в теневой сторонке потник, сверху положил шубу из шкур нестриженых ягнят и знаком пригласил графа отдохнуть. Тот, не противясь, рухнул на приготовленную постель. Вероятно, сильно был разбит, не шелохнувшись проспал в одном положении до самого вечера.

Едва солнце начало опускаться, Ерен с графом, перекусив, вновь двинулись в горы. В этот раз они взяли направление на изобилующую валунами мохнатую гору напротив. На тыльной стороне ее начинался джайляу Туке с протянувшимися на юг холмами и перевалами. В этих местах проходили брачные игры оленей и маралов во время гона. Потеряв надежду взять медведя-пройдоху, они решили по вечерней прохладе попытать счастье на возвышенности и добыть марала. Конечно, в вечернее время охотники не могли выдвинуться далеко и думали обследовать лишь начало Туке.

Поздней осенью на вечерней заре бывает по-особому тихо. Редкое дуновение ветерка приносило запах смолы. С южной стороны, приглушенный расстоянием, доносился стонущий плач бедного сыча.

Ерен заметил вдали, в тени кедрача, неведомо откуда появившегося марала с ветвистыми рогами. Ух ты... Как понимать сие явление – явь это или сон? Ерен невольно нагнулся, заодно и графа начал пригибать к земле за жирный загривок. Тот, видимо, тоже успел заметить марала и с пониманием дела черепахой прильнул к земле. О боже, направь на верный путь! Кажется, удача улыбается этому человеку, что прибыл из-за тридевяти земель! Ерен наслюнявил палец и поднял вверх. С левого боку ощущался едва заметный прохладный ветерок. Значит, если не будет помех, олень вряд ли поймает запах с их стороны.

Ерен чувствовал внутреннее волнение. Он подбородком указал графу на оленя, затем показал на ружье, дескать, «готовься к выстрелу!». Итальянец растянул губы в улыбке, оживая глазами, и с готовностью кивнул.

Сначала Ерен измерил взглядом расстояние до марала. Потом вытащил из кармана блокнот, на чистой странице написал крупно: «100 м» и поднес к носу гостя. Граф всё понял. Он поправил планку на ружье и начал прицеливаться. Ерен заметил, что дыхание соседа участилось и руки подрагивают. Ну, если этот знатный господин не сможет попасть с такого близкого расстояния, то поделом ему!

Раздался оглушительный выстрел. Безмятежный марал вдруг споткнулся, оглянулся и вприпрыжку исчез в глубине леса. Неизвестно, попала ли пуля в него, только пахом сверкнул. Ну надо же, из такой близи можно было его убить наповал! Огорченный Ерен засомневался в охотничьих достоинствах этого аристократа. Сколько б титулов и регалий ни носил он, а с таким «снайперством» ему, видать, придется и в этом году вернуться с пустыми руками. Ерен внутренне казнил себя за то, что слишком доверился гостю.

Они медленно поднялись и, осторожно двигаясь, подошли к тому месту, где стоял марал. Граф что-то прогудел на своем языке, тыча в капли крови на покрывающих землю листьях бадама. Ерен взял кровь на кончик пальца, поднес к глазам, понюхал. И вправду это была свежая, еще теплая кровь... Марал бежал, будучи раненым, значит, проскачет некоторое расстояние, потом упадет от потери крови.

Они углубились в лес, идя по следам копытного животного. Оказалось, что он всюду по ходу движения оставил капли крови. Но в какое место попала пуля? Теперь охотникам предстояло, не теряя следа и не допуская оплошностей, тащиться за раненым маралом. Если он упадет где-нибудь от потери крови, то станет добычей хищников или стервятников.

Ерен дал знак гостю и сам первым пошел по следу.

Раненый марал перевалил через ближайший крапчатый гребень и внедрился в дальнюю чащу. Не теряя надежды догнать его, преследователи, несмотря на усталость, шли по лесу до тех пор, пока несли ноги. Однако капризное дитя природы не давало себя догнать и довело их до изнеможения. Вскоре солнце спустилось к горизонту, и вокруг стремительно начало темнеть. Убедившись в том, что сегодня им уже не удастся найти марала, Ерен и граф вынуждены были возвращаться.

* * *

На другой день те же трое еще до зари отправились с кордона в горы. Пройдя с севера вдоль сосново-елового леса, они с рассветом добрались до обильно осыпавшихся с горы груды камней и остановились. Манарбек опять привязал коней и остался здесь, а граф и Ерен, взяв ружья, дальше пешком продолжили подъем. Взяв ориентир на ту сторону, куда бежал вчерашний марал, они долго бороздили по подъемам и перевалам. Природа переживала последние дни перед холодами, и потому погода стояла по-собому щедрая на тепло, благодатная, ласково щекочущая ноздри. Оба были уверены в том, что основательные поиски сегодня наверняка их приведут к маралу.

Через некоторое время перед ними распахнулась широкая равнина. То разевая рот, то жмуря глаза, гость не мог скрыть изумления открывшимся живописным видом и тотчас принялся щелкать фотоаппаратом. Ерен издавна знал, что эта возвышенность была не тронутой человеком, обширной территорией, куда даже охотники редко забредали. Июнь здесь не знал комаров, июль – мошкары. Безмолвная сторона, вдовье одиночество.

Поодаль возвышались величественные горы, голубеющие ледовыми коронами пиков. Чужая земля, еще не успевшая потерять зеленых красок, была упоительным зрелищем для глаз. Небо тоже было подобно тонкому голубому шелку. По этому насыщенному голубизной небу плыли гонимые ветром белоснежные облака-скитальцы. Погруженная в приятную дрему, округа находилась в объятиях тишины и словно позевывала в забытьи.

В южной стороне виднелась нависающая сверху древняя скала. Если подняться на нее, то перед ними, как на ладони, открылась бы вся эта гордая бескрайняя долина. Оттуда можно было бы окинуть взором порядочное расстояние.

С этой мыслью Ерен показал гостю на скалу, а сам, сделав большой круг, устремился к ней с тыльной стороны. В этот раз граф шел отяжелевшей походкой и на отвесный утес взобрался с большим трудом, как если б его тащили волоком. Всю дорогу его охватывала одышка – ахая и охая, он учащенно дышал. Пот катился с него градом. С упитанного тела валил пар, словно его изнутри жег огонь.

Когда, изнемогая от усталости, охотники одолели подъем, внезапно взгляд их зацепил внизу нечто... Под сенью густого кустарника, горбясь спинкой, хлопотала какая-то тварь. Барсук или сурок? О боже, это же медведь! Надо же такому случиться, гнались за оленем, все ноги истоптали, а тут им медведь повстречался!

То показываясь спиной, то исчезая под плотными сучьями кустов, топтыгин был занят своими делами. Негодник и не думал поднимать головы, так

глубоко ушел, видно, в какое-то неотложное занятие. Ерен взял бинокль и пригляделся. Медведь тащил нечто бурое и пытался закопать его, пыля дерниной. Пока Ерен недоумевал, мелькнули ветвистые рога, сверкнул белый пах. Вот те на, косолапый, кажется, зарывает марала! Как бы это не оказался тот самый марал, которого они, с ног сбиваясь, ищут со вчерашнего дня!

Разве охота не была для Ерена ремеслом с самого рождения?! Опираясь на многолетний опыт, он прикинул, что расстояние до медведя примерно двести тридцать метров. Разница может составлять самое большее пять-десять метров, слава богу, глазомер его еще не подводил. Ерен крупно вывел в блокноте: «230 м» и протянул гостю. Граф кивком головы подтвердил, что ситуацию понял. Было заметно, что неожиданное появление медведя заставило гостя оробеть, привело в волнение. Все-таки не такой уж он храбрец.

Граф вытянул шею, затем поправил ружье и принялся целиться. Чтобы не упустить момента в случае его промаха, Ерен неторопливо зарядил свое ружье и прильнул к земле. Теперь оставалось дождаться, когда медведь выйдет к ним, на открытое место. В такие минуты спешка – заклятый враг охотника, может обвести человека вокруг пальца и даже ввергнуть в беду.

Для сведущих людей медведь непростой зверь, с ним играть нельзя! Он непредсказуемый хищник, обладающий сокрушительной силой. Поэтому необходима предельная осторожность.

Ты только погляди на этого косолапого, не выходит из кустарника, нервы вымотал. Лишь бурая спина его мелькает. Начисто забыл обо всем на свете, с головой ушел в свои дела.

Как назло, между ними – уж слишком открытое пространство, страшновато крадучись приблизиться к зверю.

Также нет никакой возможности подойти кружным путем, у него ведь нюх тонкий, сразу учует. Поди уж покажется наконец всем своим неуклюжим телом на глаза. Что бы там ни было, правильней всего терпеливо ждать.

Пока Ерен думал так... вдруг граф грохнул выстрелом. Бывалый охотник вздрогнул от неожиданности. Вот позо-ор-то! Что с этим господином? Какая муха его ужалила?

От звука выстрела обрушился камнепад на противоположной стороне, по горам прокатилось эхо. Медведь вскочил и, пугливо озираясь из-под кустов по сторонам, издал громоподобный рев. Из густого укрытия виднелась лишь его голова. Затем зверь снова огласил горы и скалы жутким ревом и вприпрыжку побежал вниз по склону в противоположную сторону.

Ерен не знал, как реагировать на этот проступок гостя: губы его дрожали, слова застряли в горле.

Граф тоже понял свою оплошность и сильно огорчился. Он что-то лопотал на своем языке, виновато, с мольбой глядел на спутника.

Ерен догадался, что медведь ранен. Также он знал, что если пуля не попала в место под мышкой и легкие, а угодила в плотную часть бедра и жирную ляжку, то медведя это не убьет... Такую легкую рану он может запросто зализать. Но раненый медведь всегда бывает озлобленным, мстительным, разгоряченным и яростным. Ошибочно думать, что он неуклюжий и медлительный, только глядя на его громоздкое тело. Медведь очень хитрый, и трудно найти в природе более проворного зверя. Он может развить такую скорость, что во время погони в горной местности и конному не даст уйти. В этот раз косолапый не смог определить, откуда произошел выстрел, и побежал вниз в противоположную сторону. Если б увидел, то несомненно, громыхая, как гром, атаковал бы их.

Оглашая воздух ревом, медведь скрылся в густых зарослях. В следующий момент Ерен заметил, что он мчится по открытому южному склону. Затем медведь исчез в смешанном лесу на севере.

Ерен медленно поднялся с места и, осторожно ступая, приблизился к той стороне, где топтался медведь. Наполовину закопанный марал лежал с вывернутой головой и безжизненными глазами, тело уже раздулось. Ерен наклонился, очистил его от земли, присмотрелся и понял, что это вчерашний марал... Пуля графа попала ему в пах. Теряя на ходу кровь, бедняга притащился сюда и здесь нашел кончину. Вероятно, на мертвого рогача медведь наткнулся сегодня утром.

Один рог марала был сломан у самого корня и висел, едва зацепившись за шкуру. Однако рог был не слишком поврежден, его вполне можно было прикрепить на свое место и намертво соединить с черепом. Опытные таксидермисты сделают это так, что комар носа не подточит. В любом случае прибывшему издалека чужеземцу нашелся внушительный трофей.

Поодаль виднелась отвесная островерхая скала. Скорее всего, она – самая высокая точка в окрестностях. Если подняться на нее, то можно было б хорошенько оглядеть северный склон.

Ерен двинулся в сторону этой вышки. Граф тронулся было следом, что-то пытаясь сказать на своем языке, но он остановил его жестом руки. Возле падали оставаться было опасно. И Ерен, как мог, хмуря брови и указывая рукой, дал понять итальянцу, чтобы он ушел на открытую площадку. Тот как будто усвоил всё. Кивая на ходу головой, поплелся на открытое ровное место сбоку.

Ерен вскарабкался на верхушку утеса и, сделав руку козырьком, огляделся вокруг. Возможно, из-за высоты ощущалось дыхание пронизывающей прохлады. Кизильник и жимолость, что росли внизу, подернулись бледностью. Ерен до онемения и ряби в глазах всматривался в пятнисто-полосатые прогалины вблизи и лысые горы на противоположной стороне, не покажется ли там медведь. Да разве хитрый топтыгин выйдет на свет божий средь бела дня? Лежит себе, поди, зализывая рану, где-нибудь в густой чаще под деревом. Идти за ним следом очень опасно. Взъяренный медведь обычно выжидает в засаде. Если выскочит внезапно и набросится, не успеешь и маму позвать. Поэтому не следует искать приключений на свою голову, а подобру-поздорову возвращаться на кордон. Как бы там ни было, раненый зверь потеряет кровь и к утру достаточно ослабеет. А ослабевший медведь будет намного безопасней.

Ерен повернулся и посмотрел в сторону коллеги. Граф с ружьем на плече стоял, отвернувшись, на краю кручи. Похоже, он любовался панорамой хвойного леса, простиравшегося у подножия на той стороне. Ладно, наверное, первозданная природа Алтая растрогала его, пусть насладится вдоволь. Завтра, когда уедет на родину, будет рассказывать об этом крае как легенду, как сказание, и тем самым разрекламирует его. К тому же охотники склонны к преувеличениям, выдумкам, могут смешивать ложь с правдой, хромого выдать за здорового, такой уж это народ.

Ерен еще раз окинул взглядом северный склон и, осторожно ступая, начал спускаться с утеса.

Уже у самого подножия скалы некое внутренне чутье заставило его взглянуть в сторону гостя.

Какое-то угольно-черное чудовище выскочило из леса и, сверкая мехом на загривке, бежало к графу. Ойбай, это же медведь!

– А-а-и-и-и-и!

От неожиданности он потерял дар речи, и из горла его раздался душераздирающий вопль. Скинув ружье с плеча на руку, Ерен полетел во весь дух, перепрыгивая с камня на камень.

Граф успел-таки повернуться на крик и увидеть мчащегося на него скачками медведя!

Кому хочется умирать? Едва завидев приближающегося, как смерч, зверя, он взвизгнул и упал на бок. Разбежавшийся медведь перескочил через лежавшего на земле человека, не смог остановиться на краю утеса, кубарем покатился вниз и с ревом исчез в глубокой пропасти.

В это время подбежал и запыхавшийся Ерен. Граф, трясясь от страха, лежал навзничь на земле. Фотоаппарат его улетел в сторону. Ружье сползло с плеча, согнулось и, видимо, было сломано. Глаза несчастного были выпучены, растопыренные пальцы дрожали, разъятый рот хватал воздух.

Поддерживая шатающегося гостя под мышки, Ерен поднял его с земли. Он отряхнул графа со всех сторон и осмотрел, нет ли травм на теле. Слава богу, медведь не причинил ему вреда. Но итальянец был сильно напуган и, не веря реальности случившегося, всё время жалобно огядывался по сторонам, как малое дитя. Движения его тоже были неловкими и оторопелыми. Хорошо бы на сердце не сказалось отрицательно.

Приблизившись к краю кручи, Ерен с опаской глянул вниз, присмотрелся. Пропасть оказалась такой глубокой, что у него от ужаса зашевелились волосы на затылке и слегка закружилась голова. Вызывающее рябь в глазах темное горное ущелье. Медведь упал на самое дно, устланное каменной осыпью, и теперь лежал, по-жабьи раскинув лапы. Он был неподвижен, вероятно, сломал позвоночник и околел.

Поддерживая гостя, Ерен обогнул с голого тыла вершину и спустился к подножию. Приближаясь к медведю, он вначале предусмотрительно швырнул в него несколько камней. Тот не шевельнулся, стало ясно, что зверь мертв. Вряд ли эта тварь могла избежать конца, шмякнувшись с такой высоты на камни!

Они повернули труп зверя туда-сюда и убедились в том, что это тот самый раненый медведь. Пуля графа попала ему в ляжку, вытекавшая из раны кровь комом свернулась в шкуре и затвердела.

Ладно, как бы там ни было, расчеты Ерена оправдались. Да и труды гостя окупились вдвойне. Теперь он возвратится на родину не с одним, а двумя трофеями! Благодарение за всё, и за то, что получил, и за то, что увидел!

Несмотря на опыт видавшего виды охотника, Ерен никак не мог понять одного... Разве недавно этот раненый медведь, перевалив вон тот гребень, не сгинул в том дальнем густом лесу? Когда он успел вернуться и оказаться здесь? Или он, крадучись, пришел назад, чтобы защитить и сохранить свой корм? Это тоже оказалось одной из многих загадок природы.

Перевод с казахского Раушан Байгужаевой